

DOI 10.15826/qr.2023.3.833

УДК 070.1:316.77 + 327(47+57)"1920/1930" + 81'42 + 159.9.072

**СССР как «великая держава»:
имперские нарративы и статус государства, 1920–1935***

Мария Иванова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

**The USSR as a “Great Power”:
Imperial Narratives and the State’s Status, 1920–1935****

Maria Ivanova

HSE University,

Moscow, Russia

This article analyses the adaptation and re-semantisation of the “great power” concept in Soviet public discourse between 1920 and 1935. The actualisation of the “great power” concept in the public discourse of this period was associated with the need to comprehend the USSR in the system of international relations, the one of “great powers”. After the First World War and the revolutionary events of the early twentieth century, Russia was excluded from the European system of international relations, and the USSR had to fight for the recognition of the new state formation. Simultaneously, the new authorities had to defend their positions within the country. In addition, the new state was in a complex relationship with the legacy of the Russian Empire. Denying numerous imperial attitudes at the ideological level, the USSR had to deal with old institutions, including the diplomatic and authoritative language of Imperial Russia. At the same time, new goals required revision of inconvenient intellectual constructs. The author aims to establish how the “great power” concept was rethought

---

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Е. М. Болтуновой за ценные советы при подготовке статьи.

** *Citation*: Ivanova, M. (2023). The USSR as a “Great Power”: Imperial Narratives and the State’s Status, 1920–1935. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1041–1056. DOI 10.15826/qr.2023.3.833.

Цитирование: Ivanova M. The USSR as a “Great Power”: Imperial Narratives and the State’s Status, 1920–1935 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1041–1056. DOI 10.15826/qr.2023.3.833 / Иванова М. СССР как «великая держава»: имперские нарративы и статус государства, 1920–1935 // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 1041–1056. DOI 10.15826/qr.2023.3.833.

and appropriated by the Bolsheviks and the Soviet authorities after the 1917 Revolution and the Civil War (1917–1922). The author identifies several main stages of rethinking the concept in public discourse and, based on an analysis of the press, proves that the “great power” concept was only partially re-semanticised. It acquired new semantic connotations (primarily ideological) while retaining a significant part of the previous pre-revolutionary attitudes. The author reveals that from the early 1920s, there were attempts to assign the “great power” status to Soviet Russia. During this period, the great-power narrative was re-actualised and stabilised. The main factor confirming the “great power” status is the country’s internal successes.

Keywords: international relations, Soviet foreign policy, USSR in the 1920s–1930s, conceptual history, great power

Статья посвящена анализу адаптации и ресемантизации понятия «великая держава» в советском публичном дискурсе в период с 1920 по 1935 г. Актуализация этого понятия в указанный период была прежде всего связана с необходимостью осмысления СССР в системе международных отношений, системе «великих держав». После Первой мировой войны и революционных событий начала XX в. Россия была исключена из европейской системы международных отношений, а СССР приходилось бороться за признание нового государственного образования. Параллельно новой власти пришлось отстаивать свои позиции внутри страны. Кроме того, новое государство находилось в сложных отношениях с наследием Российской империи. Отрицая многочисленные имперские установки на идеологическом уровне, СССР был вынужден иметь дело со старыми институциями, в том числе с дипломатическим и властным языком имперской России. При этом новые цели требовали пересмотра неудобных интеллектуальных конструктов. Цель статьи – установить, как понятие «великая держава» было переосмыслено и адаптировано большевиками и советской властью после революции 1917 г. и Гражданской войны (1917–1922). Автор выделяет несколько основных этапов переосмысления понятия в публичном дискурсе и на основе анализа периодической печати и публицистики доказывает, что понятие «великая держава» было ресемантизировано лишь частично; оно приобрело новые смысловые (прежде всего идеологические) коннотации, сохранив при этом значительную часть прежних дореволюционных установок. Выявлено, что уже с начала 1920-х гг. были попытки присвоения статуса «великой державы» в отношении Советской России. В течение исследуемого периода великодержавный нарратив вновь актуализировался и стабилизировался. Основным фактором, подтверждавшим статус «великой державы», стали внутренние успехи страны, а не внешнеполитические (как это было в имперский период).

Ключевые слова: международные отношения, советская внешняя политика, СССР в 1920–1930-е гг., история понятий, великая держава

Понятие «великая держава» существует как минимум с начала XVIII в. В публичном дискурсе Российской империи оно появилось во второй половине столетия, однако в полной мере вошло в употребление (как в дипломатический лексикон, так и в прессу) только в XIX в.¹ Оно вошло в русский язык в результате расширения русско-европейских контактов и изначально формулировалось несколько иначе (например, «знатнейшая», «знатная», «главнейшая», «первейшая», «первоклассная» держава), что было обусловлено его переводным характером. На протяжении «долгого» XIX в. понятие стабилизировалось, обрело устойчивые черты в рамках употребления, актуализировалось и неоднократно переосмыслялось. «Великая держава» стала маркером описания ряда сюжетов и использовалось как аналитическая единица, связанная как с внешне-, так и с внутривнутриполитическим статусом государства².

Задачей статьи является анализ использования понятия «великая держава» в другом контексте и в иной исторической ситуации. Речь идет о Советской России 1920-х – первой половины 1930-х гг.³ Отметим, что адаптация понятия в рамках реализации советских (в том числе идеологических) установок до настоящего момента не была предметом рассмотрения в современной научной литературе.

Источниковую базу данного исследования составляют документы публичного характера, то есть общедоступные – преимущественно пресса. В его основу легли выпуски газет «Правда» и «Известия», были последовательно проанализированы сохранившиеся номера изданий с 1917 по 1935 г. Хотя в заголовке указан период с 1920 г., важно отметить, что в период с октября 1917 до 1920 г. автором было выявлено 13 статей, где употреблялось исследуемое понятие, четыре случая из которых пришлось на конец 1917 г. Только с 1920 г. начинается видимое уплотнение и расширение семантического поля «великой державы», а самое главное – его употребление становится постоянным. Количество выявленных статей возрастает с 14 в 1920 г. до 45 в 1922 г. Всего за весь период с 1917 по конец 1935 г. было выявлено более 600 публикаций, в которых употреблялось понятие «великая держава». В качестве вспомогательных источников выступили издания журналов «Огонек», «Историк-марксист», стенографические отчеты, дипломатические документы.

В методологическом отношении значимыми являются наработки такого направления, как *Begriffsgeschichte*, которое определяет связь

---

¹ См., например, журналы «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Нива», газету «Санкт-Петербургские ведомости».

² Понятие «великая держава» активно используется в историографии, посвященной истории международных отношений [Никифоров; Kennedy; Scott; Анисимов; Быстрова]. Оно также играет определенную роль в осмыслении современной России как «великой державы» [Neumann; Adomeit; Rich].

³ Использование понятия «великая держава» отношении других стран является темой самостоятельного исследования и не будет отражено в рамках данной статьи.

понятия «великая держава» с современностью [Козеллек, с. 25–27; Koselleck]. Это означает, что выявление исторических коннотаций поможет в осмыслении его современных значений. Кроме того, важно отметить, что понятие здесь не рассматривается как замкнутая языковая единица, а анализируется как объект, отражающий тот или иной исторический контекст [Козеллек, с. 25–27]⁴.

К началу XX в. политическая жизнь Российской империи претерпела существенные изменения, число изданий оппозиционного толка (разной степени радикальности) увеличилось, все больше представителей общественных групп получали возможность транслировать свои идеи. Происходила активная поляризация общественного мнения. Это отразилось и на семантическом поле понятия «великая держава».

В первую очередь в левой прессе с начала XX в. понятие быстро обрело негативные коннотации и стало использоваться для критики и осуждения имперской политики (внутренней и внешней). Именно в рабочих газетах (прежде всего в «Правде») понятие и статус Российской империи как «великой державы» были подвергнуты наибольшей критике. Так, В. И. Ленин называл великими державами те страны, которые «имеют успех в великом грабеже» и ведут империалистическую политику [Ленин, 1958–1983, т. 26, с. 314–315; т. 30, с. 185]. Позже ленинское определение относительно характера «великих держав» было усвоено партийной номенклатурой (в том числе И. В. Сталиным [Сталин, 1946–1951, т. 9, с. 102; т. 14, с. 22]) и активно использовалось в подобной коннотации в довоенной советской прессе.

Примечательно описание съезда кадетов в Париже в июне 1920 г., которое было опубликовано в «Правде». Речь в нем шла о неспособности представителей русской эмиграции выработать единое мнение, так же как и принимающие их страны не смогли определиться с политикой в отношении Советской России:

...Среди этих рыцарей грабежа, которые предпочитают называть себя «рыцарями цивилизации», потеряно всяческое равновесие. Эта потеря равновесия, впрочем, извинительна. Ведь и сами «великие державы» не знают, что им предпринять: ложиться или вставать [Правда, 1920, 25 июня, с. 1].

Здесь разлад между этими державами объясняется их капиталистическим устройством, которое только разделяет стороны. Кроме того, такая критика была вызвана еще и тем, что действия этих стран были направлены против Советской России.

Через использование негативного значения понятия «великая держава» происходила попытка его ресемантизации. Вместо архаизации понятия оно продолжило существовать и развиваться. Большевики

---

⁴ В рамках выбранного методологического подхода приоритетной задачей является трансформация семантического поля понятия, а не частота его употребления.

не стремились от него отказаться, напротив, продолжили его активно использовать. Нередко формулировку «великая держава» можно встретить даже в заголовках газет [Известия, 1919, 3 июня, с. 1; 1920, 10 сент., с. 1].

Ввиду того, что понятие имело множество символических значений, которыми оно обростало в течение предыдущих столетий, оно не могло иметь ни четких определений, ни конкретных свойств, его коннотации могли быть разнообразными. Многообразие значений понятия позволяло менять их в угоду политическим интересам. Именно вариативность в его понимании позволила большевикам одновременно и отстраняться от «великих держав», и пытаться стать одной из них вместе со скорректированными коннотациями. Постепенно понятие «великая держава» продолжило употребляться, в том числе для обоснования и аргументации каких-либо действий государства – уже Советской России.

Так, минимум с середины 1920 г. в «Правде» уже писали о самой Советской России как о «великой державе», хоть и со ссылкой на английскую газету [Правда, 1920, 23 июля, с. 1]. В «Известиях» в июле 1921 г. писали о том, что Афганистан и Тибет желают заручиться «союзом с Советской Россией, этой единственной великой державой, не заинтересованной в эксплуатации чужих богатств» [Известия, 1921, 17 июля, с. 1]. В том же 1920 г. В. И. Ленин говорил о Советской России как об уже состоявшейся «великой державе». 21 ноября 1920 г. на Московской губернской конференции РКП(б) он заявил об успехе заключения мира с Финляндией, Эстонией и Латвией на фоне вражды с Польшей, имеющей «империалистические цели». Он говорил:

Кроме того, ее [Польшу] толкает в этом же направлении старая вековая борьба Польши, которая в свое время была великой державой и которая сейчас противопоставляется великой державе – России. Эту старую вековую борьбу Польша не может оставить и в настоящее время [Ленин, 1958–1983, т. 42, с. 18–19].

Но несмотря на то, что в начале 1920-х гг. можно зафиксировать использование статуса «великой державы» в отношении Советской России, это являлось скорее исключением, чем правилом, так как было нечастым явлением. Однако это отразило все нараставшую тенденцию в попытках применения этого понятия к себе и в его использовании для обоснования политических действий и интересов.

В новом государстве власть теперь представлялась властью народа, вместе с этим значения понятия «великая держава» иногда переносились с великодержавного государства на народ и рабочий класс [Известия, 1920, 10 сент., с. 1]. Ведь если «великая держава» как государственное образование была подвержена критике, то перенос значений на народные массы мог снимать с понятия негативные коннотации, присвоенные ранее. Как это, например, представлено в одном из номеров «Правды»:

Пролетариат, просивший 9 января у царя «свободы и счастья», стал через 15 лет после рокового дня самой сильной и великой державой в мире. О, конечно, его «не признают» великой державой друзья Николая Кровавого, расстрелявшего рабочих 9 января 1905 года и расстрелянного рабочими в 1918 году! [Правда, 1920, 22 янв., с. 1].

Помимо смены носителя великодержавия, важно отметить, что советская власть в этот период еще не была признана «друзьями Николая Кровавого», а именно реальными «великими державами». А статус «великой державы» всегда должен быть признан извне.

В сентябрьском выпуске «Известий» 1920 г. читаем:

С рабочим движением как с силой «новой великой державы» приходится считаться правительствам всех буржуазных капиталистических стран. Великодержавность этой новой силы, в сущности, не так уже нова [Известия, 1920, 10 сент., с. 1].

В «Огоньке» в статье про Лозаннскую конференцию (20 ноября 1922 г. – 24 июля 1923 г.) сообщалось, что представителя Советской России хотели выгнать, но он «твердой рукой “великой державы пролетариата”» пресек эти попытки и остался там [Огонек, 1923, № 8, с. 6]. Встречаются и другие, более редкие переносы, например: «Работницы – великая держава» [Одиннадцатый съезд, с. 480]; «великая держава – Комсомол!» [Правда, 1922, 9 нояб., с. 3].

Необходимо отметить и примеры частичного упрощения понятия, когда, например, вместо «шестой великой державы» появлялась формулировка «шестая держава» [Огонек, 1925, № 5, с. 10]. Но чаще всего «шестой державой» именовали печать [Ашукин, Ашукина, с. 609–610]. Идиома о печати как «великой державе» часто употреблялась в дореволюционный период [Нива, 1904, № 13, с. 259; 1909, № 25, с. 455–456; Русское богатство, с. 93; Крестьянская революция, с. 6; Липранди, с. 32] и сохранилась в советском нарративе. Иногда она публично использовалась как на съездах партии [Сталин, 1923, с. 203–204], так и в периодической печати.

Нельзя обойти стороной прилагательное «великодержавный», существовавшее в русском языке еще до появления понятия «великая держава». До Октябрьской революции его употребление в зависимости от политических взглядов могло быть использовано как нейтрально, так и негативно [Нива, 1893, № 10, с. 236–238; 1896, № 20, с. 457–494; 1914, № 21, с. 420; Вестник Европы, с. 210–247; Правда, 1912, 10 окт., с. 1; 12 окт., с. 1; 20 окт., с. 1; 1913, 23 февр., с. 2; Правда труда, с. 2; Рабочий, с. 8–9]. В советский период одним из крайне негативных клише, которое плотно вошло в публичный дискурс, было выражение «великодержавный шовинизм» (или «великорусский»). После X съезда РКП(б), который состоялся в марте 1921 г., был «выдвинут лозунг «борьбы с великодержавным русским шовинизмом», что должно

было исправить сложившееся в стране национальное неравенство. Кроме того, «великодержавный шовинизм» противопоставлялся интернационализму, к соблюдению принципов которого стремились большевики [Вдовин, с. 41–43]. В конце 1922 г. «Ленин возобновил критику великорусского шовинизма, начатую им еще в 1914 г.», но уточнения, которые он внес, стали «частью стереотипной большевистской риторики как объяснение различия между “наступательным” великодержавным национализмом и “оборонительным” местным национализмом, причем последний стали считать оправданной реакцией на первый», как считает Терри Мартин [Мартин, с. 18]. Помимо шовинизма, «великодержавными» могли быть нации, политика, капитализм [Ленин, 1944, с. 7]. Таким образом, до революции за прилагательным «великодержавный» и существительным «великодержавие» сохранялись преимущественно положительные коннотации, с приходом к власти большевиков их больше не осталось.

Как было отмечено ранее, важной особенностью этого периода является одновременное употребление понятия как в негативном или критическом плане, так и в качестве нейтральной описательной единицы. Часто негативное значение обозначалось через знаки препинания, а именно кавычки, когда понятие выделялось ими полностью или частично (только «великий») [Известия, 1920, 27 июня, с. 3; 1924, 2 февр., с. 1; Огонек, 1923, № 32, с. 17–18; № 8, с. 6]. Чаще всего дополнительная пунктуация выражала подчеркнутое осуждение, а проявление такого оформления зависело от позиции автора высказывания по тому или иному вопросу. Например, в одном из номеров «Известий», в котором было опубликовано интервью представителя Италии, поднимался вопрос о том, что уже пора

...разрешить вопрос о международном положении России и о мире между ней и великими державами. Я говорю о «великих» державах, ибо без стыда приходится установить, что маленькие нации и даже так называемые «отсталые» народности проявили гораздо больше политического смысла и не в пример другим меньше холодного эгоизма, чем державы, гордящиеся своим положением «великих» и «передовых» [Известия, 1921, 8 окт., с. 1].

Однако здесь не утверждается, что понятие, употреблявшееся без кавычек, всегда возникало только как нейтральная категория [Известия, 1921, 11 нояб., с. 1; 24 дек., с. 1; 28 дек., с. 1]. Кроме того, важно отметить, что если в прессе могла сохраняться вариативность в написании этого понятия, в международных документах оно всегда употреблялось без дополнительной пунктуации [Борьба большевиков, с. 141; Сборники документов, с. 51].

Помимо прочего, иногда в отношении «капиталистических» стран производилось семантическое изменение понятия – вместо «великих» держав могли звучать «крупнейшие», «главные», «могущественные»

[Известия, 1921, 11 нояб., с. 1; 1922. 1 янв., с. 1; Ленин, 1958–1983, т. 42, с. 2]. Подобные синтаксические замены встречались и ранее. В XIX в. для описания противника, равного по статусу, но находившегося по другую сторону баррикад, форма понятия также могла меняться (например, вместо великих – главные державы) [Высочайший манифест].

В целом на протяжении всего рассматриваемого периода понятие «великая держава» сохраняло множественность своих значений: его негативные коннотации соседствовали с нейтральными и положительными [Зиновьев, с. 189–190; Историк-марксист, 1926, № 2, с. 283–284; 1930, № 17, с. 21–26]. Анализ конкретного контекста использования понятия позволяет увидеть разворачивание процессов ресемантизации имперского концепта в новой социально-политической ситуации более предметно.

После Октябрьской революции и с началом Гражданской войны у большевиков появилась проблема с признанием их власти не только извне, но и внутри государства [Известия, 1917, 19 нояб., с. 2]. Более того, с началом военной интервенции в начале 1918 г. обе эти проблемы слились воедино. Так, интервенция была начата под предлогом помощи Белому движению, которое признавалось европейскими державами в обход большевиков. Интервенция почти полностью завершилась в 1920 г., и окончательно – только в 1925 г., когда был возвращен Северный Сахалин. 25 октября 1922 г. закончилась Гражданская война, а 30 декабря того же года на I Всесоюзном съезде Советов были приняты Декларация и Договор об образовании СССР. Большевики закрепили свою власть внутри государства, теперь необходимо было получить признание других стран, в первую очередь «великих держав».

В дореволюционный период контекст употребления понятия мог быть связан с экономическими, культурными и национальными вопросами, но одним из основных был военный, в рамках которого понятие звучало особенно активно. Однако Гражданская и советско-польская войны стали исключениями из этого правила. Более активно понятие начинает употребляться лишь к концу 1921 – началу 1922 г. Количество выявленных употреблений понятия с начала до октября 1922 г. больше, чем за предыдущие пять лет, вместе взятые. Понятие использовалось не только в прессе, но и в публицистике, во время партийных речей, в дипломатической переписке [Сталин и Каганович, с. 116] и международных документах. Например, часто это понятие встречается в документах Коминтерна [Коммунистический Интернационал, с. 342; Послевоенный капитализм, с. 47–51].

Во-первых, это связано с укреплением Советской России как государства: Гражданская война была почти выиграна, а конфликт с Польшей завершен. Во-вторых, одним из важных событий этого года стала Генуэзская конференция (10 апреля – 19 мая 1922 г.). Именно в контексте этого события наиболее часто употреблялось понятие «великая держава» в прессе. Появилось больше оптимистичных суждений о том, что страну, а значит, власть большевиков скоро признают ос-

новные участники международных отношений. Можно предположить, что частое использование понятия «великая держава» в этот период было связано в большей степени со внешнеполитическим контекстом.

В прессе регулярно затрагивали тему признания действующей власти еще до так называемой «полосы признания» (1924–1925 гг.) [Известия, 1921, 30 июня, с. 2]. Постоянно появлялись заметки (чаще всего со ссылками на зарубежную прессу), подчеркивающие, что на Советскую Россию уже обращают внимание, а не считают ее утратившей прежний высокий статус (рассматривая страну как правопреемницу Российской империи), и что скорое признание страны неизбежно [Известия, 1922, 1 янв., с. 1]. Джеффри Брукс писал, что «по мере того как революционные перспективы угасали, советские лидеры искали договоренности с существующими правительствами. Несмотря на свою ненависть к капитализму и либеральной демократии, они позволили прессе распространить темный прагматизм НЭПа на международные отношения»⁵ [Brooks, p. 34]. Он отмечает, что в прессе составлялись «благоприятные отчеты о внешней торговле» и «деловых» торговых дискуссиях с великими державами [Ibid., p. 35]. Пока не происходило признания де-юре, авторы заметок старались подчеркивать это признание де-факто если не через дипломатическую сферу, то хотя бы торговую.

Особенную уверенность в усилении великодержавной риторики дало признание СССР Великобританией, Италией и Францией. Однако в периодической печати не перестали активно указывать на этот статус СССР, ссылаясь на зарубежную прессу [Правда, 1930, 17 февр., с. 6; Известия, 1927, 27 окт., с. 1]. Потребность в подтверждении статуса извне была все еще остра [Правда, 1924, 4 нояб., с. 2], что также проявлялось и позже, например, в 1933 г. «Военный вестник» со ссылкой на французскую газету писал, что СССР является «великой азиатской державой» [Военный вестник, с. 6] и потому внимательно следит за событиями в Японии. Постепенно при обращении к СССР как к «великой державе» количество ссылок на внешнее признание снижается из-за увеличения аргументов, связанных с внутренней политикой страны [Огонек, 1923, № 32, с. 17–18; Историк-марксист, 1928, № 10, с. 117–118]. Особенно ярко проявилось это в середине 1930-х гг., на период которых пришлось итоги первых пятилеток индустриализации и коллективизации [Правда, 1929, 23 июля, с. 1; 1934, 29 окт., с. 2; 1935, 17 нояб., с. 2; Известия, 1935, 1 мая, с. 1].

Так как фактически СССР оказался правопреемником Российской империи, которая обладала статусом «великой державы», Советская Россия начала довольно быстро претендовать на этот статус. Возможно, опыт и прецедент империи сделали возможной столь активное выражение советской властью своих великодержавных намерений, а также обусловили относительно быстрое признание этого статуса участниками международных отношений.

---

⁵ Перевод мой. – М. И.

Отдельно необходимо выделить тему взаимодействия СССР с Лигой Наций. В 1924 г. еще встречается положительный тон в адрес организации, ведь на ассамблее этого года рассматривалось предложение СССР о разоружении (не было принято), хотя членом Лиги Наций Советская Россия тогда не являлась⁶. В «Известиях» по этому поводу писали следующее:

Таким образом Лига Наций, не дожидаясь мифического «общего признания» Советской Республики державами, не успевшими еще этого сделать, фактически признала Советскую Федерацию. А между тем в состав этой лиги входят и делами ее верховодят так называемые «великие» державы, до сих пор упорно уклоняющиеся от юридического признания того, что независимо от них и вопреки им существует уже шесть лет и начинает оказывать все больше влияние на международные дела. Этот курыз мы отмечаем между прочим [Известия, 1924, 2 февр., с. 1].

Однако международная обстановка не осталась столь же благоприятной после «полосы признания» СССР другими странами. На конференции в Локарно 1925 г. стало ясно, что партнер СССР Германия скоро может стать членом Лиги Наций. В связи с этим появлялась угроза международной изоляции СССР (что действительно случилось к 1927 г.). По этому поводу правительство СССР направило в Германию меморандум, предостерегающий от подобных действий. В документе содержалась информация о том, что Германию постигнет участь других стран, которые не могут вести самостоятельную от других «великих держав» политику (Англии и других участников Антанты) [Москва – Берлин, с. 350–355]. В конце 1925 г. на XIV съезде Всесоюзной коммунистической партии И. В. Сталин также заявлял о нежелании войти в состав Лиги Наций, хотя подобных предложений не поступало. Он говорил, что одной из задач партии в области внешней политики является ведение работы по предотвращению новых войн [XIV съезд, с. 26], так как, по мнению Сталина, Лига Наций являлась лишь прикрытием для подготовительных работ в войне против СССР [Там же].

Последующие пять лет до конца 1920-х гг. с точки зрения смыслового наполнения и контекстного употребления понятия «великая держава» практически не отличаются от семантического поля, установившегося к середине 1920-х гг. Новый виток реактуализации понятия начался на рубеже 1929–1930-х гг.

В 1930 г. министром иностранных дел СССР стал М. М. Литвинов, преемник Г. В. Чичерина. Принято думать, что с его приходом внешнеполитический курс изменился в сторону снятия изоляции СССР. Так, французская исследовательница Сабин Дюллен выдвигает тезис, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «Советский союз еще воспринимал-

---

⁶ СССР был включен в организацию только 18 сентября 1934 г.

ся за границей не как великая держава, а как уязвимое, хрупкое государство. Добавим, что таково было и самовосприятие СССР» [Дюллен, с. 237], и выделяет ряд проблем, вызванных свойственным «для советской внешней политики дуализмом государственных и революционных интересов» [Там же]. Исследовательница считает, что внешнеполитические успехи 1933–1935 гг. «сопровождались – на уровне Советского государства – новым дискурсом “великой державы”» [Там же, с. 251–252]. Но автор данной статьи не может согласиться с тем, что дискурс был новым, скорее он был реактуализированным. Как было отмечено ранее, дискурс «великой державы» в отношении СССР появляется в первые несколько лет после революции. Но он с разной степенью успешности мог быть реализован ввиду различных внутренних и внешних проблем.

Подобное расхождение в трактовках в данной статье с выводами С. Дюллен связано не только с разной выборкой типов источников, на которых проводился анализ, но в первую очередь с тем, что исследовательница не анализировала понятийный аппарат, и в частности особенности употребления понятия «великая держава» (как СССР, так и другими участниками международных отношений). Она опиралась на историографическое понимание понятия (которое вариативно), но не на реальный дипломатический конструкт. В связи с этим и с вышеперечисленными пунктами тезис С. Дюллен о самовосприятии СССР не может быть подтвержден на материалах настоящей статьи.

Автор статьи считает, что к середине 1930-х гг. СССР ставил себя в ряд «великих держав» (не только в прессе) и стабильно причислял себя к их кругу. Здесь примечательно событие, произошедшее на ассамблее Лиги Наций по абиссинскому вопросу в 1935 г.⁷ Из переписки между Л. М. Кагановичем, В. М. Молотовым и И. В. Сталиным следует, что СССР определялся как одна из «великих держав», а срыв изначальных планов советской делегации и пути к решению возникших проблем на ассамблее расценивались с точки зрения престижа, а не практических нужд [Сталин и Каганович, с. 561–563].

Итак, на основе проведенного анализа публичного дискурса Советской России в период с 1920 по 1935 г. было установлено, что понятие «великая держава» не исчезло из публичного дискурса государства после революции 1917 г., а было адаптировано большевиками. При этом процесс апроприации включал в себя переосмысление последнего исходя из задач коммунистической идеологии. Важно отметить, что в это время к существовавшей имперской трактовке добавилась идеологически окрашенная альтернатива (негативное прочтение концепта, перенос последнего в сферу оценок социального (народа, рабочего класса)). Вместе с тем полноценной ресемантизации не произошло – добавились новые коннотации, а старые значения при этом не исчезли.

---

⁷ В сентябре 1935 г. на выборах вице-председателей в бюро изначально представитель Мексики получил на один голос больше, чем СССР. Это вызвало бурную реакцию, а советская делегация даже собиралась демонстративно покинуть ее: «Пусть ассамблея сама расхлебывает абиссинскую кашу!» [Сталин и Каганович, с. 562].

Можно выделить несколько основных этапов переосмысления и реактуализации понятия «великая держава» в публичном дискурсе в исследуемый период. Первым этапом активной адаптации понятия в Советской России стали 1920–1924 гг. Это было связано с тем, что большевики активно добивались признания своей власти другими странами, прежде всего признанными «великими державами». Вторым этапом пришелся на 1925–1930 гг. – период после «полосы признания» и частичной изоляции СССР. В этот период были продолжены основные тенденции, заложенные ранее, однако презентации СССР как «великой державы» в публичном дискурсе стали более стабильными. Следующий этап относится к началу 1930-х гг., когда подводились итоги первых пятилеток. К этому периоду СССР стал стабильно оцениваться как «великая держава» (внутри советского публичного дискурса).

Важно подчеркнуть, что в межвоенный период (вплоть до середины 1930-х гг.) статус СССР как «великой державы» в публичном дискурсе подкреплялся не только внешней политикой, но именно внутренними успехами. Внутренняя политика не случайно выходит вперед, ведь советская система находилась во враждебном состоянии с политическими и экономическими системами других «великих держав». Можно предположить, что именно поэтому намеренно подчеркивался внутренний фактор в вопросах великодержавия. Сотрудничество с враждебными государствами не могло быть признано основной причиной, сделавшей СССР «великой державой». Эти два фактора всегда связаны друг с другом, внутренняя сила укрепляет внешнюю. Однако в данный период достижения внутри страны оцениваются выше, чем ее внешнеполитическое влияние. В имперский период, напротив, ценились больше именно возможности внешнего влияния, то есть вес на международной политической арене. Частично к этому вернется и СССР, но уже после Второй мировой войны.

В целом самоопределение СССР с отсылкой к категории «великая держава» оказывается связано в публичном дискурсе не только с признанием за рубежом, но и с внутренними успехами. Равным образом в оценке других стран апелляция к внутриполитическим контекстам стало существенно больше (помимо традиционных оценок положения страны в мировой политике). Это отличает проанализированный период от дореволюционного, когда подтверждение и легитимация статуса «великой державы» осуществлялись сугубо через внешние успехи – победы в войне. Важно отметить, что к середине 1930-х гг. СССР советская власть еще не могла опираться сугубо на военный дискурс, как это делала Российская империя. Такие трактовки начинают медленно меняться с начала 1930-х гг. [Огонек, 1930, № 3, с. 15; Война и революция, с. 15].

Библиографические ссылки

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года : стеногр. отчет. М. : Госиздат, 1926. 1032 с.

Анисимов М. Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М. : Т-во науч. изд. КМК, 2020. 457 с.

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения. М. : Худож. лит., 1955. 665 с.

Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала : Материалы и документы 1914–1919 гг. М. : Парт. изд-во, 1934. 260 с.

Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2016. 368 с.

Вдовин А. И. СССР. История великой державы. 1922–1991. М. : Проспект, 2018. 786 с.

Вестник Европы. 1871. Март.

Военный вестник. 1933. № 11.

Война и революция. 1930. Вып. 6.

Высочайший манифест о войне с Оттоманскою Портой от 20 октября 1853 г. // Хроника современных военных известий. СПб. : Тип. Гл. штаба Е. И. Величества по воен.-учеб. заведениям, 1855. С. 18–19.

Дюллен С. Логика великой державы и ловушки прошлого: сталинская внешняя политика эпохи первой пятилетки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы междунар. науч. конф., Москва, 5–7 дек. 2008 г. М. : РОССПЭН, 2011. С. 236–255.

Зиновьев Г. Е. Сочинения : в 16 т. Ленинград : Госиздат, 1926. Т. 8. Война и кризис социализма. 691 с.

Известия. 1917. 19 нояб.; 1919. 3 июня; 1920. 27 июня; 10 сент.; 1921. 30 июня; 17 июля; 8 окт.; 11 нояб.; 24, 28 дек.; 1922. 1 янв.; 1924. 2 февр.

Историк-марксист. 1926. № 2; 1928. № 10; 1930. № 17.

Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий : избр. ст. : в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле ; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М. : Новое лит. обозрение, 2014. Т. 1. С. 23–44.

Коммунистический Интернационал в документах : Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919–1932. М. : Парт. изд-во, 1933. 1007 с.

Крестьянская революция на юге России: с письмами Л. Н. Толстого царю. Берлин : Изд. Иоанна Рэде, 1902. 66 с.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. М. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1944. 7 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1958–1983.

Липранди А. П. Еврейство и антисемитизм. Харьков : Тип. «Мирный труд», 1914. 276 с.

Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 855 с.

Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 : сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М. : Наука, 2011. Т. 1. 1920–1926. 1031 с.

Нива. 1893. № 10; 1896. № 20; 1904. № 13; 1909. № 25; 1914. № 21.

Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М. : Госполитиздат, 1950. 282 с.

Огонек. 1923. № 8, 32; 1925. № 5; 1930. № 3.

Одиннадцатый съезд РКП(б). Май – апрель 1922 г. : протоколы. М. : Партиздат, 1936. 840 с.

Послевоенный капитализм в освещении Коминтерна : сб. док. и резолюций конгр. и исполкомов Коминтерна / общ. рук-во изд. В. Кнорина. М. : Парт. изд-во, 1932. 180 с.

Правда. 1912. 10, 12, 20 окт.; 1913. 23 февр.; 1920. 22 янв.; 25 июн.; 23 июл.; 1922. 9 нояб.; 1924. 4 нояб.; 1927. 27 окт.; 1929. 23, 24 июля; 1930. 17 февр.; 1934. 29 окт.; 1935. 1 мая; 17 нояб.

Правда труда. 1913. 27 сент.

- Рабочий. 1917. 9 сент.
 Русское богатство : лит., науч. и полит. журн. 1903. № 7.
 Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. 9. Советско-американские отношения, 1919–1933. М. : НКВД, 1934.
 Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М. : РОССПЭН. 2001. 798 с.
 Сталин И. В. Организационный отчет Центрального Комитета РКП(б) XII съезду РКП(б). 17 апреля 1923 г. // Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков) : стеногр. отчет. М. : Красная новь, 1923. 705 с.
 Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. М. : ОГИЗ : Гос. изд-во полит. лит., 1946–1951.
 Adomeit H. Russia as a 'Great Power' in World Affairs: Images and Reality // Intern. Affairs. 1995. Vol. 71, № 1. P. 35–68.
 Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton : Princeton Univ. Press, 2000. 344 p.
 Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y. : Random House, 1987. 677 p.
 Koselleck R. A Response // The Meaning of Historical Terms and Concepts New Studies on Begriffsgeschichte / ed. by H. Lehmann and M. Richter. Washington DC : German Historical Inst., 1996. P. 59–70.
 Neumann I. Russia as a Great Power, 1815–2007 // J. of Intern. Relations and Development. 2008. № 11. P. 128–151.
 Rich P. B. Russia as a Great Power // Small Wars & Insurgencies. Vol. 20. 2009. № 2. P. 276–299.
 Scott H. M. The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. 308 p.

References

- Adomeit, H. (1995). Russia as a 'Great Power' in World Affairs: Images and Reality. In *Intern. Affairs*. Vol. 71. No. 1, pp. 35–68.
- Anisimov, M. Yu. (2020). *Rossiya v sisteme velikikh derzhav v tsarstvovanie Elizavety Petrovny (1741–1761 gg.)* [Russia in the Great Power System of During the Reign of Elizaveta Petrovna (1741–1761)]. Moscow, *Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK*. 457 p.
- Ashukin, N. S., Ashukina, M. G. (1955). *Krylatye slova: literaturnye tsitaty, obraznye vyrazheniya* [Catchphrases: Literary Quotes, Figurative Expressions]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*. 665 p.
- Bor'ba bol'shevikov za sozdanie Kommunisticheskogo Internatsionala. Materialy i dokumenty 1914–1919 gg.* [The Struggle of the Bolsheviks for the Creation of the Communist International. Materials and Documents, 1914–1919]. (1934). Moscow, *Partiinnoe izdatel'stvo*. 260 p.
- Brooks, J. (2000). *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, Princeton Univ. Press. 344 p.
- Bystrova, N. E. (2016). "Russkii vopros" v 1917 – nachale 1920 g.: *Sovetskaya Rossiya i velikiye derzhavy*. ["Russian Question" in 1917 – Early 1920s: Soviet Russia and the Great Powers]. Moscow, St Petersburg, *Tsentr gumanitarnykh initsiativ*. 368 p.
- Dullin, S. (2011). Logika velikoi derzhavy i lovushki proshlogo: stalinskaya vneshnyaya politika epokhi pervoi pyatiletki [Great Power Logic and Past Traps: Stalin's Foreign Policy of the First Five-Year Plan]. In *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 5–7 dekabrya 2008 g.* Moscow, ROSSPEN, pp. 236–255.
- Istoriik-marksist [Istoriik-Marksist]*. (1926). No. 2; (1928). No. 10; (1930). No. 17.
- Izvestiya [Izvestiya]*. (1917). 19 Nov.; (1919). 3 June; (1920). 27 June; 10 Sept.; (1921). 30 June; 17 July; 8 Oct.; 11 Nov.; 24, 28 Dec.; (1922). 1 Jan.; (1924). 2 Feb.
- Kennedy, P. (1987). *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. N. Y., Random House. 677 p.

Khlevnyuk, O. V., Devis, R. U., Kosheleva, L. P., Ris, E. A., Rogovaya, L. A. (Eds.). (2001). *Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg.* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. Moscow, ROSSPEN. 798 p.

Knorin, V. (Ed.). (1932). *Poslevoennyi kapitalizm v osvshchenii Komintern. Sbornik dokumentov i rezolyutsii kongressov i ispolkomov Komintern* [Postwar Capitalism in the Coverage of the Comintern. Collection of Documents and Resolutions of the Congresses and Executive Committees of the Comintern]. Moscow, Partiinoe izdatel'stvo. 180 p.

Kommunisticheskii Internatsional v dokumentakh. Resheniya, tezisy i vozzvaniya kongressov Komintern i plenumov IKKI, 1919–1932. [Communist International in Documents. Decisions, Theses, and Appeals of the Congresses of the Comintern and Plenums of the ECCL, 1919–1932]. (1933). Moscow, Partiinoe izdatel'stvo. 1007 p.

Koselleck, R. (1996). A Response. In Lehmann, H., Richter, M. (Eds.). *The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte.* Washington DC, German Historical Inst., pp. 59–70.

Koselleck, R. (2014). Vvedenie [Introduction]. In Zaretskii, Yu., Levinson, K., Shirle, I. (Eds.). *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii. Izbrannye stat'i v 2 t.* / transl. by K. Levinson, ed. by Yu. Arnautova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 1, pp. 23–44.

Krest'yanskaya revolyutsiya na yuge Rossii: s pis'mami L. N. Tolstogo tsaryu [Peasant Revolution in the South of Russia: With Letters from L. N. Tolstoy to the Tsar]. (1902). Berlin, Izdanie Ioanna Rede. 66 p.

Lenin, V. I. (1944). *O natsional'noi gordosti velikorossosv* [On the National Pride of the Great Russians]. Moscow, OGIz, Gospolitizdat. 7 p.

Lenin, V. I. (1958–1983). *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* [Complete Works. 55 Vols.]. 5th Ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury.

Liprandi, A. P. (1914). Evreistvo i antisemitizm [Jewishness and Anti-Semitism]. In *Mirnyi trud.* Kharkov, Tipografiya “Mirnyi trud”. 276 p.

Martin, T. (2011). *Imperiya polozhitel'noi deyatel'nosti. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939.* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow, ROSSPEN. 855 p.

Neumann, I. (2008). Russia as a Great Power, 1815–2007. In *J. of Intern. Relations and Development.* No. 11, pp. 128–151.

Nikiforov, L. A. (1950). *Russko-angliiskie otnosheniya pri Petre I* [Russian-English Relations under Peter I]. Moscow, Gospolitizdat. 282 p.

Niva [Niva]. (1893). No. 10; (1896). No. 20; (1904). No. 13; (1909). No. 25; (1914). No. 21.

Odinnadsatyi s'ezd RKP(b). Mai–aprel' 1922 g. Protokoly [Eleventh Congress of the RCP(b). May–April 1922. Minutes]. (1936). Moscow, Partizdat. 840 p.

Ogonek [Ogonek]. (1923). No. 8, 32; (1925). No. 5; (1930). No. 3.

Pravda [Pravda]. (1912). 10, 12, 20 Oct.; (1913). 23 Feb.; (1920). 22 Jan.; 25 June; 23 July; (1922). 9 Nov.; (1924). 4 Nov.; (1927). 27 Oct.; (1929). 23, 24 July; (1930). 17 Feb.; (1934). 29 Oct.; (1935). 1 May; 17 Nov.

Pravda truda [Pravda Truda]. (1913). 27 Sept.

Rabochii [Rabochii]. (1917). 9 Sept.

Rich, P. B. (2009). Russia as a Great Power. In *Small Wars & Insurgencies.* Vol. 20. No. 2, pp. 276–299.

Russkoe bogatstvo. Literaturnyi, nauchnyi i politicheskii zhurnal [Russkoe Bogatstvo. Literary, Scientific, and Political Journal]. (1903). No. 7.

Sborniki dokumentov po mezhdunarodnoi politike i mezhdunarodnomu pravu. Vyp. 9. Sovetsko-amerikanskii otnosheniya, 1919–1933. [Collections of Documents on International Politics and International Law. Iss. 9. Soviet-American Relations, 1919–1933]. (1934). Moscow, Narodnyi komissariat inostrannykh del.

Scott, H. M. (2007). *The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. 308 p.

Sevast'yanov, G. N. (Ed.). (2011). *Moskva – Berlin: politika i diplomatiya Kremlya, 1920–1941. Sbornik dokumentov v 3 t.* [Moscow – Berlin: Kremlin Politics and

Diplomacy, 1920–1941. Collection of Documents. 3 Vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 1. 1920–1926. 1031 p.

Stalin, I. V. (1923). Organizatsionnyi otchet Tsentral'nogo Komiteta RKP(b) XII s'ezdu RKP(b). 17 aprelya 1923 g. [Organisational Report of the Central Committee of the RCP(b) to the 12th Congress of the RCP(b). April 17, 1923]. In *Dvenadtsatyi s'ezd Rossiiskoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov)*. Stenograficheskii otchet. Moscow, Krasnaya nov'. 705 p.

Stalin, I. V. (1946–1951). *Sochineniya v 13 t.* [Works. 13 Vols.]. Moscow, OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.

Vdovin, A. I. (2018). *SSSR. Istoriya velikoi derzhavy. 1922–1991* [The USSR. The History of a Great Power. 1922–1991]. Moscow, Prospekt. 786 p.

Vestnik Evropy [*Vestnik Evropy*]. (1871). March.

Voennyi vestnik [*Voennyi Vestnik*]. (1933). No. 11.

Voina i revolyutsiya [*Voina i Revolyutsiya*]. (1930). No. 6.

Vysochaishii manifest o voine s Ottomanskoyu Portoi ot 20 oktyabrya 1853 g. [Imperial Manifesto on the War with the Ottoman Porte. October 20, 1853]. (1855). In *Khronika sovremennykh voennykh izvestii*. St Petersburg, Tipografiya Glavnogo shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva po voenno-uchebnym zavedeniyam, pp. 18–19.

XIV s'ezd Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (b). Dekabr' 1925 goda. Stenograficheskii otchet [XIV Congress of the All-Union Communist Party (b). December 1925. Verbatim Report]. (1926). Moscow, Gosizdat. 1032 p.

Zinov'ev, G. E. (1926). *Sochineniya v 16 t.* [Works. 16 Vols.]. Leningrad, Gosizdat. Vol. 8. Voina i krizis sotsializma. 691 p.

The article was submitted on 21.08.2021